

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ...

Народный артист СССР Георгий Степанович Жженов — человек спокойный, неспешный, не склонный к тщеславию. Да это и по ролям видно.

Он не любит распространяться о своем творчестве. «Работа, знаете ли. Сами увидите. Куда же я декусь?».

Много он видел, много пережил.

Звоню по телефону.

— Привет пропащему куда-то.

— Да куда же я не пропаю.

— Тогда давайте на чаек. Вы что-то при последней встрече насчет таланта кипятитесь.

— Это вы кипятитесь.

— Кто, я? Я кипятился?! Ну, кипятился. Давайте на чаек.

Итак, приглашаю, читатель, на чаек к Георгию Степановичу Жженову.

— Георгий Степанович, так что такое талант! Что он есть в человеке!

— Талант — это прежде всего цельный человек. То есть каков есть, таким себя и людям преподносит в своей активной жизни. Без компромисса и с самим собой.

Человек отличен во всей природе умом. Дадено, так не мельтеши. В 33-м году я снимался на Волге в «Чапаеве». Пошел вечерком к реке коня напоить. Дед там с удочкой сидел. Я от него, пожалуй, к утру только и вернулся.

Какой же огромный человек! Я очень молод был. Но меня потрясли его суждения о жизни. Добрые и жесткие, мудрые и наивные. Я-то считаю, что эти понятия вполне на пользу сочетаются. Я, конечно, не помню дословно нашего разговора, но засел он во мне прочно, на всю жизнь. Ведь не слова запоминаешь, а суть, слова в душе остаются.

Вот некоторые считают, что актер может быть и глуп. Нет, серьезно, я сам слышал. Иначе ему, дескать, трудно податливо самые разные роли исполнять. Нескромно мне, конечно, на эту тему спорить, но это неправда. Я не знаю ни одного большого актера, обойденного умом. Ну, в водевиле еще сойдет. А вот через Толстого, Шекспира, Чехова уже «не проврешься». Да через любого серьезного драматурга. Он в пьесу всего себя вложил, и ты ему должен соответствовать. Уметь на сцене с места в карьер заплакать — это не талант, это нервозность. Актер должен думать и отсюда уже чувствовать. Другого пути у него нет.

— Видимо, вы начали разговор не с главного. Уж какой талант выше в человеке, чем доброта!

— Мне кажется, этим суждением стали злоупотреблять. Оно чуть ли не модным стало. Вот сказал о доброте и вроде даешь понять, какой ты сам хороший.

Я видел в жизни, что такое доброта. И высшее ее проявление — жертвенность. Я ви-

дел, как делаются последним хлебом.

Доброта — это не румяная ласковость. Это чувство должно быть строгим и потому справедливым. Я не люблю несправедливую доброту. Она или глупа, или равнодушна. Она опасна.

Мать, покойница, добренькой не была. Даже суровой бывала. А чрезвычайной доброты была человек. Сколько она все людям помогала. Одиннадцать детишек на шее, а она тащит этот воз и о людях не забывает. Не забывает о людях. У нас в селе Кесова гора Тверской губернии очень ее уважали.

Знаете, наверное, человек, который много трудится, тем человека в себе и сберегает.

Я — жизнелюб, независимо от того, сколько черных дней в жизни было. Люблю тех, кто живет с верой в жизнь, во здравие. Один из моих любимых поэтов — Мустай Карим. Вот в нем все это я ощущаю. В нем все происходит, что он говорит.

**Все завершиш, покончил
с мелочами,
И суета осталась позади.
И вот сейчас с рассветными
лучами
Птиц выпускаю из своей
груди.**

Разве эти стихи пером написаны? Сколько же на них душа потрудилась. Если тебе дан талант, но он не прошел через твою душу, не будет от него плодов.

Талант — это способность вызывать к себе доверие, отклик. Талант — это способность влиять на людей.

— Но ведь и плохой человек может быть талантливым.

— Гений зла? Вообще-то я не припомню гения зла. Авиденна, Пушкин, Эйнштейн. Понимаете, гений — это такая категория, что он рождается только во благо человеку. В этом его смысл, потому и гений.

Знаете, давайте все-таки говорить о таланте во благо.

— Прекрасно! Ну вот на вашей личной памяти...

— Я знал трех чрезвычайно

талантливых людей — Петра Алейникова, Исаака Бабеля и Бориса Ливанова. Удивительно непохожие люди, но какие талантливые!

Ливанов был талантливым житель этой жизни. Сколько он брал от нее счастья, сколько вкладывал в нее своей радости. Какое в нем было пиришество побед и поражений, безбрежность веселья и отчаянных горестей. Вулкан! Второго такого я не встречал.

Я, пожалуй, не буду вам объяснять, какой писатель был Исаак Бабель. Так вот его талант/рассказывать был еще выше, чем талант писателя.

Он ведь написал киносценарий «Как закалялась сталь». Юлия Солнцева должна была снимать. А мне отвели роль Сережки Брузжака. Бабель все меня приструнивал: «Будешь себя плохо вести, я ведь из Сережки Брузжака и девочку могу сделать». Уж насчет юмора...

А Петя Алейников был сама доверчивость, светлость, искренность, неподкупность. В нем был талант ребенка. Помню, на охоте он промазал по лисе. Так побегал за ней бегом, догонять. Ну, чистый ребенок в нем жил.

— Ну, а если в человеке нет ярко выраженного таланта, то как же ему быть! Прозывать!

— Если я вам скажу, что все люди подряд крайне талантливы, вы мне не поверите. Но, понимаете, если человек задумывается о своей сущности, то он уже существо мыслящее. Человек действия. Без этого любой талант пуст. А если человек о себе не задумывается, то никакой талант в нем не проснется. Есть ответственность человека за самого себя.

— За свой талант!

— Да, за свой талант. Я знаю одного крупного медика. Он каким-то образом определил себе срок жизни. И на весь этот срок рассчитал, что ему надо успеть сделать. И, скажу вам, ни дня, ни ночи не знает, трудится. Вот это и есть чувство долга перед своим талантом.

Именно долга! Ну, послушайте, какая заслуга человека, если ему от природы выпал талант? Конечно, он в долгу перед ним. И очень бывает обидно, когда талант выпадает не тому. Тут уж природа проявляет бесхозяйственность.

— Так что же все-таки талант!

— Это наивысшая степень проявления индивидуальности ради людей.

— И чем талант объяснить!

— Талантом... Все упирается в талант.

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.